

**CURRENT METHODOLOGICAL PROBLEMS
OF LITERARY TRANSLATION STUDIES:
AN INSIGHT FROM COGNITIVE (INTERPRETIVE) SEMIOTICS**

K.I. Leontyeva

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov

From the 4E-perspective of the present-day Cognitive Semiotics the paper explores some methodological errors typical of analyzing the facts and the pre-requisites of the translator's textual visibility, as well as operational nature of literary translating as an interpretive relational sense-making activity, attentional processes and related semiotic processes of (de)focusing.

Key words: *literary translation, translator's visibility, Cognitive Semiotics, anthropocentrism, interpretation, sense-making, enaction, (de)focusing, attention.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Ксения Ивановна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра когнитивных исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, e-mail: ksenja_leontieva@mail.ru

УДК 811.111'23

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ДИАПАЗОН
КУЛЬТУРЫ И ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА**

Е.М. Масленникова

Тверской государственной университет, Тверь

Многозначность текста изначально предполагает множественность пониманий-интерпретаций, становясь одной из помех при текстовой коммуникации, когда автор и читатель осуществляют и координируют действия по опредмечиванию и распредмечиванию текстовых смыслов. В статье обсуждаются понятия «семантическое поле», «диапазон культуры», «аккультурация».

Ключевые слова: *текст, перевод, семантическое поле, культура, аккультурация.*

Понимание / интерпретация текста предполагает его рассмотрение читателем как интерпретирующим субъектом в границах определённого ментального пространства. «Плотность» ментального пространства определяется его культурной напряжённостью. Личностные особенности восприятия позволяют построить проекцию книги на основе своих собственных (со)переживаний опыта, проецировать текст «на себя», свою картину мира, систему знаний и культурный фон. Культура и система ассоциируемых с ней культурных артефактов несут в себе ряд духовно-ценностных компонентов,

раскрывающие особенности национального этнокультурного сознания. В художественном тексте находят отражение: ключевые лингвокультурные доминанты; этнокультурные параметры соответствующей культуры; стандартные этикетные ситуации, формулы и т.д.

Согласно концепции В.В. Налимова [Налимов 1993], существует семантическое поле (вакуум), вбирающее в себя все смыслы Мира в спрессованном (нераспакованном и непроявленном) виде. Два Мира – физический и семантический – сосуществуют; в их основе лежат вакуумные структуры. Физический вакуум существует в виде элементарных частиц, а семантический вакуум – в виде семантических текстов, каждый из которых обладает собственными уникальными смыслами, отличными от смыслов других текстов. Семантический Мир отличается от физического большей свободой. Вероятностная теория смыслов опирается на их потенциальность; аналогия проводится между преобразованием смысла и процессом измерения в квантовой механике. Семантический вакуум открыт не полностью и фильтруется сознанием. Индивид как личность обладает семантической многослойностью. Смыслы, заданные изначально, образуют семантическое пространство, где в силу собственной непроявленности они имеют равный статистический вес. Смысловое пространство в состоянии непроявленности образующих его смыслов представляет собой семантический вакуум. Активатором, проявляющим и задающим смыслы, выступает человек, а точнее – его сознание. Результатом активации смыслов будет записанный в знаковой форме текст. Подобный подход во многом схож с понятием смыслового поля общения [Сидоров 1986], заключённого в предметную сферу в результате пересечения репертуаров коммуникантов. Смысл текста развёртывается в процессе коммуникации. В смысловом континууме, включающем потенциальное бесконечное множество текстов, присутствует пространство, заполненное художественными смыслами.

Кроме семантического вакуума существует общекультурное ментальное пространство, вбирающее в себя смысловой универсум. Реконструкция ментальных пространств той или иной культуры происходит через текст и непосредственно в тексте. Ментальное пространство получает разное воплощение в культурных артефактах. Особую роль при обращении к артефактам играет эмоциональность, когда на первый план выходят ассоциативно-смысловые связи. В художественных текстах имена собственные играют особую роль, способствуя углублению его смысловой проекции. Так, имена из главы XI романа О. Уайльда / O. Wilde (1854-1900) «The Picture of Dorian Gray» / «Портрет Дориана Грея» (1891) *Caligula, Edward II, Nero, Pier Gaveston, Pierre de Boniface, St. Sebastian, the Borgia, the Duke de Valentinois, Tibertius* создают фон всего романа, отражая преемственность зла в мире. Когда коммуниканты находятся в одном временном отрезке, имена собственные как сигналы специфики «чужой» культуры можно «расшифровать», но, если лакунизируемые имена были «прозрачными» для современников О.

Уайльда, то для инокультурного читателя они «затемняют» текст и не дают выход на глубинный вертикальный контекст.

Считается, что «общекультурное ментальное пространство как совокупность значений, образов, символов общественного сознания в той или иной степени полноты присваивается конкретным субъектом и, преломляясь через его систему ценностей, через его мировоззрение, приобретает тот или иной личностный смысл, задающий отношение субъекта к этой реальности и определяющий использование данного ментального пространства как исторической метафоры для категоризации последующих эпох» [Петренко 1988: 22]. С позиции реального пространства, располагающегося вокруг говорящего–наблюдателя как «я–здесь–и–сейчас», ментальное пространство параллельно реальному пространству. Пространство вокруг наблюдателя представляет собой своего рода ЕГО «обжитой участок». Относительно ментального пространства точка актуального (физического) времени сдвигается. Столкновение двух пространств – реального физического и ментального – можно сравнить со способами введения «чужого» голоса в художественный текст и средствами организации смысловой полифонии. Характерным показателем подобного столкновения является смена режимов интерпретации получаемого сообщения при реальной (канонической) ситуации общения «лицом к лицу» или текста при текстовой коммуникации. Если текст активизируется только при обращении к нему читателя, присваивающего или приписывающего тексту собственные личностные смыслы, то, таким образом, речь может идти о трёх процессах:

1. *смыслополагание*, когда Я как читатель текста строю предположения относительно его смыслов;
2. *смыслоформирование*, когда активность процесса понимания и диалогизм текстовой коммуникации позволяют читателю построить смысловую программу–проекцию текста как иерархию микросмыслов, восходящих до макросмыслов и художественной идеи текста;
3. *смыслоформулирование*, когда из-за таких свойств текстовой коммуникации как адаптивность и селективность по принципу «Я–здесь–и–для–меня» читатель самоопределяется относительно текста.

При организации текста автор ориентирует его на условия актуализации: он пытается убедить читателя в реальности существования мира текста. Со стороны читателя действует установка, что он «верит» в сам текст, тексту и непосредственно автору. Совокупность художественных отсылок конструируется так, чтобы представить своеобразную модель реального мира, которая отражает типическое для этого мира. Читатель становится не просто сторонним наблюдателем, а превращается в непосредственного участника текстовой коммуникации. В ходе диалога «текст–читатель» читатель становится носителем смысловых контекстов, выбирающим коммуникативное пространство для текста, который аккумулирует плюрализм текстовых смыслов [Goodheart 1999; Makovski 1997].

Границы поля восприятия определяются читателем через активное принятие текста «на себя», когда он начинает усматривать так называемые скрытые смыслы текста с позиции «своего» времени. Несмотря на то, что при двуязычной текстовой коммуникации в текстах–переводах всегда присутствует некое константное сохранение инвариантных параметров оригинала, переводчики фиксируют актуальное в соответствие со сценарием «своего» времени. Текст оригинала изначально закрыт для аудитории другой культуры в силу чисто языковых причин. Переводчик пытается сделать «свой» текст максимально открытым, т.е. текстом–для–всех, для чего он упрощает систему авторских смыслов. Переводчик работает и самоопределяется внутри текстовых миров текста–оригинала и получаемого текста–перевода, а читатель из принимающей культуры проецирует мир текста–перевода на свой собственный мир. Организация элементов ситуации опирается на анализ действительности, имеющейся у участников текстовой коммуникации картины мира и когнитивные эталоны.

СЛОВО устанавливает собственные связи относительного коллективного знания–переживания и имеющихся артефактов культуры. Неточная переводческая селекция, классификация и оценка приводят к «искривлению» текстового пространства и формированию у вторичного читателя ложных представлений о параметрах инокультурного мира, закреплённых в оригинале. Получив от золотой рыбки новое корыто, старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833, опубликована – 1835) А.С. Пушкина (1799–1837) потребовала себе *избу*. В.И. Даль в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет этот тип постройки как *крестьянский дом* или *жилой деревянный дом*, который обычно бывает рубленый, бревенчатый. Поскольку в Англии дома строились из камня и кирпича, то в переводах жадная старуха требует и получает *cottage* ‘коттедж, небольшой дом’ (О. Elton, 1935; I. Zheleznova, 1986). Непосредственно в тексте перевода А. Пайман выделяет курсивом слово *izba*, объяснив в сноске, что это ‘Russian peasant’s log cabin’. Несмотря на то, что в английском языке заимствование *isba* (вариант – *izba*) относится к XVIII веку, сочетание прилагательного *brand-new* ‘совершенно новый, с иголки, новёхонький’ с *izba* (А. Руман, 1974) представляется странным. Другие переводчики обращают внимание на материал постройки: *a handsome house built of wood* (R. Chandler, 2011). На месте старой землянки перед стариком оказалась *изба со светёлкой*. О. Элтон считает, что в полученном коттедже был чердак или мансарда (*a cottage, with attic*). А. Пайман упоминает *a carved attic window*, т.е. буквально ‘резное окно чердака, мансарды’. Для И. Железновой главным в описании постройки становится остроконечная форма крыши (*a new gabled cottage*), которая являются архитектурной деталью типично английского дома, расположенного, как правило, в сельской или загородной местности.

В тексте практически всегда присутствуют зоны непонимания (ср. с понятием «лакуна»), из-за которых текст и текстовое пространство адаптиру-

ются к «чужой» социокультурной среде. Интерпретирующий диапазон текста «настроен» на читателя и «подстраивается» под те условия, которые налагает культура. В переводах сонетов В. Шекспира / W. Shakespeare (1564–1616), выполненных до начала XX века, сохраняются секуляризованные параболические инtratекстовые отсылки на Евангельское учение о самоотречении, терпении и всепрощении: на *кресте* Господь *искупил* своей *кровью* грехи человеческие, а признание грехов дарует прощение (Евангелие от Иоанна, XX, 23). Человек несёт *крест* ради своего спасения по собственной воле, без принуждения, и отказывается от земных привязанностей. Переводчики XX века утратили связи с библейскими аллюзиями, в их переводах парадигма смыслов *искупление греха* не прочитывается.

8. <i>That heals the wound, and cures not the
disgrace...</i>	11. <i>Тем, кто несёт, как я, тяжёлый
крест обид,</i>
11. <i>Th' offender's sorrow lends but weak
relief</i>	12. <i>Печаль обидчика – плохое утешенье.
(Перевод В. Мазуркевича, 1904)</i>
12. <i>To him that bears the strong offence's
cross.</i>	11. <i>Они ни разу тем не помогли,
12. Кому ущерб тяжёлый нанесён.
(Перевод А. Кузнецова, 1998))</i>
- W. Shakespeare. Sonnet 34

Различия между Мирами как СВОИМ и ЧУЖИМ пространствами отражаются в языковом сознании. Активизация смысловых структур сопровождается усвоением информации, т.е. действуют механизмы смыслоформулирования и смыслоформирования, в результате получается правильное / несоответствующее / неправильное / ложное представление о тексте / объекте, а также, например, ошибочная атрибуция относительно контекста или неудачная аналогия и т.д. «Сбой» в коммуникации (межличностной, текстовой, межкультурной) может быть вызван своего рода «вчитыванием» со стороны адресата. При отступе в «чужую» реальность фиксируется, например, не само событие, с его свойства. Переход от одной точки ментального пространства к другой представляет собой смену режима повествования. Ментальное пространство как пространственно-временной континуум распадается на отдельные фрагменты; «распад» обусловлен социокультурными факторами. Этноязыковое контактирование обеспечивается взаимодействием двух и более культур, которые унифицируются путём заимствования и модифицирования образов, сюжетов, нарративных схем и т.д. Подобные заимствования и модификации являются своего рода проявлением культурологической компенсации, возникающей при обращении к культурной памяти определённого социума и общей (универсальной) культурной памяти. Общность ментальных концептуальных образований создаётся у коммуникантов под влиянием культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налимов В.В. В поисках иных смыслов / В.В. Налимов. – М.: Прогресс, 1993. – 280 с.
2. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во Моск.

- ун-та, 1988. – 208 с.
3. Сидоров Е.В. К основаниям содержательной типологии высказываний / Е.В. Сидоров // Семантико-синтаксические проблемы теории языка и перевода. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – С. 137-154.
 4. Goodheart J. Does Literature Studies Have a Future? / J. Goodheart. – Madison (Wisc.): The Univ. of Wisconsin Press, 1999. – 137 p.
 5. Macovski M. Introduction (Textual Voices, Vocative Texts: Dialogue, Linguistics and Critical Discourse) / M. Macovski // Dialogue and Critical Discourse. Language, Culture, Critical Theory. – N.Y.; Oxford: Oxford Uni. Press, 1997. – P. 3-26.

INTERPRETATIONAL FIELDS OF CULTURE AND TEXTUAL SPACES

E.M. Maslennikova

Tver State University, Tver

The ambiguity of texts initially assumes multiplicity of understandings and interpretations. It becomes one of disturbances during text communication. The author and the reader carry out and co-ordinate actions for objectifying and disobjectification of textual meanings. The article discusses the notions of «semantic field», «interpretational fields of culture», «acculturation».

Key words: *text translation, semantic field, culture, acculturation.*

Об авторе:

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, *e-mail:* e-maslennikova@inbox.ru.

УДК 81'373.2 + 81'373.47 + 82-92

КОГНИТИВНЫЙ ОРЕОЛ АНТИЧНЫХ МИФОНИМОВ В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Л.М. Сапожникова

Тверской государственный университет, Тверь

Рассматривается связь языка, мышления и культуры на материале античных мифонимов общеевропейской значимости. При восприятии общеизвестных античных мифонимов помимо семантизирующего акта происходит и рефлексивный акт над когнитивным ореолом имени, под которым понимается весь комплекс знаний об ономастическом объекте.

Ключевые слова: *античная мифология, ономастика, собственное имя, мифоним, апелляция, когнитивный анализ, когнитивный ореол, национальная когнитивная база, немецкий язык.*

Античная мифология обладает большой лингвистической информативностью и привлекает все новые поколения писателей, поэтов, худож-